

Акад. А. П. Тюменев

ХЕРСОНЕССКИЕ ЭТЮДЫ¹

III. ХЕРСОНЕС И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ: ТАВРЫ²

Возникновение греческих городов Северного Причерноморья принадлежит последнему этапу в истории греческой колонизации, когда греческие колонии основывались прежде всего с торговыми целями и нередко возникали на месте прежних факторий. Не случайна была поэтому и та роль, какую играл на этом этапе колонизации г. Милет, крупнейший торговый центр того времени. Соответственно греческие города Северного Причерноморья и выступают на протяжении почти всей своей истории прежде всего в качестве крупных торговых центров и в то же время в роли промежуточных посредствующих звеньев во взаимодействии эллинской и скифской культуры на юге России.

Распространяя эту роль торгового и культурного посредничества на все города Северного Причерноморья, обычно и в Херсонесе видят прежде всего торговый центр, хотя и в несколько меньших размерах, чем, например, Ольвия или Пантикапей³. А между тем как время (сто—полтора ста

¹ См. ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 245 сл.

² Уже после написания настоящей статьи мне пришлось ознакомиться с рукописной работой Н. В. Пятыхевой на аналогичную тему («Тавры и Херсонес Таврический»). Эта работа содержит обширный и интересный материал о населении Херсонеса, но не свободна от некоторых преувеличений и не всегда достаточно обоснованных заключений. Поскольку выводы Н. В. Пятыхевой строятся на одностороннем, исключительно херсонесском, материале и затрагивают внешние отношения Херсонеса лишь вскользь, настоящая статья может служить дополнением и некоторым коррективом к ее работе.

³ Ю. Кулаковский («Прошлое Тавриды», Киев, 1906, стр. 23) полагает, что Херсонес был сначала «факторией... Гераклеи, которая и должна была силой отстаивать свои торговые интересы от соседних боспорских державцев». М. И. Ростовцев (см., например, «Эллинизм и царство на юге России», II, 1918, стр. 81) находил, что главной целью основания Херсонеса являлась торговля хлебом. Л. Моисеев («Из истории западного побережья Тавриды», ИТУАР, 54 (1918), стр. 249) считает «вывозными портами» как самый Херсонес, так и принадлежавшие ему на западном побережье Крымского полуострова города Керкинитиду и Калос Лимен. Крайнее преувеличение торгового значения Херсонеса находим в статье И. Н. Бороздина («Новейшие археологические открытия в Крыму. Раскопки Гераклейского полуострова» («Новый Восток», кн. 7 и отдельно под тем же заглавием, М., 1928). «Херсонес,— говорит он,— был крупнейшим крымским центром торговых операций античного мира» (цитировано по отдельному изданию, стр. 27). Так же расценивает значение основания Херсонеса и автор последней специальной работы о греческой колонизации Северного Причерноморья А. А. Иессен; соглашаясь с моим выводом о том, что ближайшим поводом к основанию Херсонеса послужили события Пелопоннесской войны, он в то же время находит, что «целью основания колонии и в случае Херсонеса являлась торговля с местным населением» («Греческая колонизация Северного Причерноморья», Л., 1947, стр. 75). Утверждение это представляется тем более неожиданным, что следующая за ним характеристика ближайших соседей Херсонеса — тавров находится в решительном с ним противоречии.

лет по завершении торговой колонизации Северного Причерноморья), так и обстоятельства возникновения Херсонеса¹ показывают, что какие-либо торговые интересы не могли играть и не играли при этом сколько-нибудь значительной роли. Основание Херсонеса обусловлено было прежде всего внутривосточной обстановкой, сложившейся в 422/1 г. в метрополии Херсонеса Гераклея, и именно — необходимостью эмиграции части населения. Поскольку эмигранты принадлежали к демократической, в большинстве малоимущей, части населения, о каких-либо собственно торговых интересах при этом еще менее может идти речь. Об отсутствии торговых целей² свидетельствуют и вмешательство дельфийского оракула и хотя бы номинальное участие делосцев в основании Херсонеса.

И впоследствии Херсонес никогда не приобретал значения собственно торгового центра. Основное место в его хозяйственной жизни, во всяком случае, занимала не торговля, а земледелие. Уже в скором времени после основания города весь Гераклеяский полуостров разбит на участки, занятые частично зерновыми посевами, но главным образом виноградниками. В 30-х гг. прошедшего столетия Дюбуа де-Монпере даже при наружном осмотре обратил внимание на следы усадебных построек, насчитав до 60 таких усадеб, связанных главным образом с виноградарством. Археологические разведки, произведенные Н. М. Печенкиным на берегу Казачьей бухты³, и затем более широкие обследования и раскопки на Гераклеяском полуострове⁴ вполне подтвердили предположения Дюбуа де-Монпере. Обнаружены были каменные стенки, отделявшие сельскохозяйственные участки друг от друга⁵, хозяйственные постройки и дворы, цистерны, хозяйственный инвентарь: жернова и ступки, тараны и многочисленные огромные чифсы для хранения вина и зерна. Почвы Гераклеяского полуострова пригодны для культуры как местной, так и акклиматизированной виноградной лозы⁶. Недостаточность влаги в почве восполнялась специальной системой орошения, проведенной

¹ См. мой «Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса», ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 245—264.

² Показателен в этом отношении план постепенного заселения города. Заселение Ольвии начинается с так наз. Нижнего Места у западного берега Лимана, т. е. с района гавани и рынка (см. П. М. С л а в и н, Ольвия, Киев, 1938, стр. 10 сл.). Напротив, Херсонес первоначально основан был не в глубине Карантиной бухты, где впоследствии помещался порт, а при входе в бухту, на почти открытом берегу моря и только сто лет спустя, не ранее конца IV в., город расширился на юг, включив в свою территорию район позднейшего порта (см. Г. Д. Б е л о в, Некрополь Херсонеса классической и эллинистической эпохи, ВДИ, 1948, № 1, стр. 161; ср. о н ж е, Херсонес Таврический, П., 1948, стр. 42 и приложенный там же план роста территории города).

³ Н. М. П е ч е н к и н, Археологические разведки на месте Страбоновского старого Херсонеса, ИАК, 41 (1911), стр. 108—126; ср. краткую заметку ИАК, 46, Хромика, стр. 4—5.

⁴ См. И. Н. Б о р о з д и н и К. Э. Г р и н е в и ч, Раскопки Гераклеяской экспедиции 1928 г., «Крым», 1928, № 2/8, стр. 34—72; К. Э. Г р и н е в и ч, Отчетная выставка результатов раскопок Гераклеяского полуострова 7 августа—4 сентября 1929 г., Севастополь, 1929. Более подробно результаты обследования изложены в неизданных отчетах: Н. М. Я н ы ш е в а, Памятники Гераклеяского полуострова (архив Херсонесского музея), а также Н. И. Р е п ь к о в а и П. Б а б е н ч и к о в а, Обзор, описание и исследование памятников Гераклеяского полуострова (архив Ленинградского отделения ИИМК). В 1928 и 1929 гг. обследованы были, главным образом, сооружения оборонительного характера, но попутно вскрыты и строения и инвентарь хозяйственного назначения. См. также результаты раскопок в 1937 г. усадеб у Стрелецкой и Камышевой бухт (В. Л и с и н, ВДИ, 1939, № 2, стр. 137—140) и отчеты о раскопках, находящихся в архиве Херсонесского музея.

⁵ Ср. декрет о постановке статуй Агасиклу, в числе заслуг которого упоминается размежевание виноградников (IOSPE, I², 418).

⁶ Описанию географических и почвенных условий Гераклеяского полуострова посвящен специальный очерк П. Б а б е н ч и к о в а в названной выше рукописи.

в широких размерах по инициативе и на средства государства¹. Разбивка территории Гераклейского полуострова на сельскохозяйственные участки и широкие государственные мероприятия по ирригации свидетельствуют о значении сельскохозяйственных культур в Херсонесе. Не случайно также и распространение в Херсонесе культа Диониса (в противоположность, например, культу Ахилла Понтарха (владыки моря) в Ольвии)².

Не только обстоятельства возникновения Херсонеса, но и условия дальнейшего развития города не благоприятствовали оживленным торговым сношениям с туземным населением. Все крупнейшие города греков в Северном Причерноморье, как известно, расположены были в устьях больших рек: Истрия — недалеко от устья Дуная, Тира — в устье Днепра. В особо благоприятных условиях находилась Ольвия, расположенная в днепровско-бугском лимане; водные пути, служившие в то время единственным средством сообщения, уходили здесь далеко в глубь страны. Именно по берегам рек распределялось наиболее густое население (по крайней мере, в области оседлого земледелия, а таковой в то время была вся область к западу от Днепра). Исключительно благоприятные условия для развития торговли существовали и в местности по берегам Гиммерийского Боспора: с запада к проливу примыкали плодородные степи Крымского полуострова, с востока — относительно густо населенный синдскими племенами Таманский полуостров, при этом река Кубань (древний Гипанис) с ее притоками открывала возможность сообщения с Прикубаньем и северным Кавказом. Наконец, водный путь через Азовское море (Меотиду) выводил к Дону (Танаису) и Северному Донцу, которые протекали по областям, заселенным кочевыми скифскими племенами. Вот почему по берегам Боспора возник целый ряд греческих торговых факторий и колоний, из которых уже с самого начала на первое место выдвигается Пантикапей; в устье Дона первоначальная фактория Танаис вырастает также в крупный торговый центр³. Именно благодаря местоположению Ольвии в устье двух речных магистралей и Пантикапея на берегу Боспора первая заняла исключительное место в торговых сношениях с областью скифов-земледельцев, второй — в торговле со скифами-кочевниками, занимавшими левобережья Днепра и придонские степи.

Совсем иначе складывались местные условия Херсонеса. Береговая линия в этом районе исключительно благоприятна; если южный берег Гераклейского полуострова круто обрывается в море и совершенно недоступен, то, напротив, северное его побережье образует целый ряд прекрасно защищенных бухт и гаваней: Казачья, Камышевая, Круглая, Стрелецкая, Песочная, Карантинная и, наконец, обе бухты современного Севастополя. На берегу Карантинной бухты и был расположен Херсонес. Благодаря относительно ровному, понижающемуся к северу рельефу местности берег здесь был легко доступен с моря. Можно смело сказать, что на всем побережье Крымского полуострова, вообще бедном бухтами, именно район Херсонеса представлял наиболее удобную гавань и хорошо защи-

¹ См. Л. А. Моисеев, Следы ирригации, мелiorации и водоснабжения древнего Херсонеса на Гераклейском полуострове, «Записки крымского общества естественных испытателей», IX (1926), стр. 115—123. Следует оговориться, что в статье Моисеев совершенно неправильно освещается значение оборонительных башен, в которых он видит прежде всего водохранилища.

² В городе был храм Диониса. С особой торжественностью справлялся праздник Инициаций (ср. IOSPE, I², 344).

³ Ср. В. Ф. Гайдукевич, Боспорское царство, М.—Л., 1949, стр. 26 сл.; Т. Н. Маслов, Танаис, М.—Л., 1949.

щевную стоянку для судов. Но этим и исчерпывались благоприятные условия местности.

Здесь отсутствовал какой-либо водный путь в глубь полуострова, напротив, весь район Херсонеса был скорее изолирован как с севера, так и с юга. Реки Черная, Бельбек, Кача, Альма, Булганак протекают с востока на запад, перерезая, таким образом, пути от Херсонеса внутрь полуострова. Реки, текущие с гор Таврики, не судоходны, хотя некоторые из них, и прежде всего ближайшая к Херсонесу, впадающая в Севастопольскую бухту Черная речка, достаточно полноводны, чтобы служить препятствием в пути (татарское название Черной речки «Кизыклы Езень» означает «Большая речка»).

Еще более существенно, что долины этих рек разделены тремя горными грядами, проходящими в том же направлении с юго-запада на северо-восток. Повышение степи начинается уже от рек Салгира и Булганак к югу от Симферополя. Первая сплошная цепь проходит от Карасубазара через Бахчисарай и заканчивается долиной Альмы; вторая, более значительная по высоте, цепь тянется от Старого Крыма до Севастополя; третья, самая высокая, начинается от Севастополя (Инкерманские высоты, Сапун-гора) и переходит затем в прибрежную Яйлинскую гряду. Первая гряда имеет среднюю высоту в 240—320 м, вторая достигает 490—540 м, третья, Яйлинская гряда, от 550 (мыс Айя) до 1543 м (Роман Код). Горные цепи наименее доступны как раз с южной, обращенной к Херсонесу, стороны. «Все эти гряды имеют одинаковый характер склонов: обращенные к северу — пологи, а обращенные к югу — круты; во всех грядах породы, их образующие, наклонены также на север»¹.

От Бахчисарая до Севастополя на протяжении по прямой линии не более 30 км (по ж.-д. пути 43 км) приходится шесть туннелей, от 220 до 660 м длиной каждый. К Гераклейскому полуострову непосредственно подходят, отрезая его от Балаклавской долины, труднодоступные Инкерманские горы и Сапун-гора. Сапун-гора достигает высоты 150—200 м и обрывается крутыми скалами в сторону Инкерманской и Балаклавской долин. Более доступный путь на север проходил по пересыпи вдоль морского берега на Керкинитиду².

Если путь на север, в сторону предгорья и в степную часть Крыма, был, таким образом, сильно затруднен, то сообщение с южной приморской частью горной Таврики совершенно отсутствовало. Во всей горной Таврике «не имелось ни одной проезжей дороги, а только трудно проходимые выючные тропы, не только через горы, но и по самому побережью»³. Единственный искусственный спуск, с частично высеченными в скале ступенями, известный под татарским названием Шайтан Мердвен («Чортова лестница»),

¹ См. геологический очерк Клеппина в Сб. «Крым», Симферополь, 1914, стр. 4.

² Одной из задач «Тавро-скифской» экспедиции 1946 г. было обследование древних путей, расхолившихся от Неаполи в разные стороны (см. П. Н. Шульц, Тавро-скифская экспедиция в 1946 г., «Советский Крым», 1947, № 2, Симферополь, стр. 63—69), между прочим, и пути в сторону Херсонеса (стр. 65 сл.). Путь на юг, судя по линии скифских поселений, намечался к юго-западу от Симферополя, вдоль железной дороги до станции Альмы, и затем, повидимому, сворачивал в долину реки Альмы, в устье которой также обнаружено скифское городище. Прямого пути в направлении от Альмы на Херсонес не существовало, так как именно здесь проходила граница между областями скифов и тавров. Весь район Бахчисарая был заселен уже таврами, укрепленные убежища которых были также обследованы, причем обнаружено было в них почти полное отсутствие культурного слоя. Отсутствие прямых путей на север подтверждается, таким образом, и археологическими данными.

³ А. Л. Бертье-Делагард, Исследование некоторых недоумренных воцросов средневековья в Тавриде, ИГУАК, 57, стр. 34.

спускался не в сторону Херсонеса, а к морю, и, очевидно, служил [путем для пиратов-тавров¹.

При таких условиях торговля с местным населением не могла получить сколько-нибудь значительного развития, и не случайно поэтому, что возглавлявшие торговую колонизацию Северного Причерноморья милетяне не воспользовались наличием удобных гаваней для основания здесь своей колонии. Нет, повидимому, оснований даже предполагать, как это иногда делается, наличия здесь ионийской фактории. В лучшем случае здесь могла быть стоянка для судов по пути в Босфор.

Ни обстоятельства возникновения Херсонеса, ни изолированное положение его не благоприятствовали, таким образом, установлению более тесных, прежде всего, торговых, связей с местным населением. В результате взаимоотношения между греческим населением Херсонеса и местным населением должны были складываться иначе и получить иной характер, чем в других греческих городах Северного Причерноморья.

Но характер взаимоотношений между греками и местным населением определялся не только ролью и участием в этих отношениях греческой стороны. В меньшей степени он зависел и от той ступени общественно-культурного развития, на которой к моменту соприкосновения с греками находилось само местное население². И в этом отношении между Херсонесом и другими городами Причерноморья было существенное различие. Население, с которым приходилось иметь дело херсонесцам, было далеко неоднородно — ни в этническом, ни в культурном отношении. Степные районы Крыма были населены скифами, достигшими высшей ступени варварства, в среде которых уже успела образоваться местная знать, предъявлявшая спрос на предметы греческого импорта. Напротив, тавры южной горной части Крыма не вышли еще из стадии родового быта.

Население, с которым непосредственно пришлось столкнуться греческим пришельцам, были тавры, граничившие с Херсонесом как с юго-востока, так и с севера.

Геродот и другие греческие авторы локализуют тавров в юго-западной части Крыма, кончая Феодосией³. Свидетельства древних авторов вполне подтверждаются и новейшими археологическими данными. Область древних тавров определяется распространением системы коллективных погребений в каменных ящиках⁴. Эта область охватывает не только южную, но и обе другие проходящие севернее Херсонеса линии гор. В менее обследованной восточной части Таврики погребений в каменных ящиках известно пока немного (в Токлуке к востоку от Судака и в районе севернее Алушты). Зато, начиная от Гурзуфа до Байдарской долины и западнее такие групповые погребения тянутся почти сплошной линией. Они известны в Артеке, Массандре, Ялте, Аутке, Ореанде, Гаспре, Ай-Тодоре, в Симеи-

¹ Н. Репников, О характере римской оккупации южного берега Крыма, СА, VII (1941), стр. 124; он же, Предполагаемые древности тавров, ИТОИАЭ, I (1927), стр. 109—110. Предположение М. И. Ростовцева о «возможности» существования «прилично устроенной тропы, соединявшей Ай-Тодор с Херсонесом, с одной стороны, и, может быть, другими пунктами побережья и центрального Крыма — с другой» («Святылище фракийских богов и надписи бенефициариев в Ай-Тодоре», ИАК, 40, стр. 9), базируется только на его преувеличенном представлении о торговых сношениях Херсонеса, причем сам он вынужден признать, что совершенно не осведомлен о сухопутных дорогах, соединявших отдельные населенные пункты Крыма.

² С этой точки зрения значение греческой колонизации рассматривается в штифтованной работе А. А. Исесна.

³ В. Дьяков, Древняя Таврика до римской оккупации, ВДИ, 1939, № 3, стр. 72.

⁴ Аналогичные погребения встречаются иногда и в степной части Крыма, однако, в пережиточной, сильно измененной форме.

зе (на горе Кошка), в Лимене, Кикинеизе, Байдарах, Скеля и других местах к западу от Байдар, к северо-западу от мыса Сарыч, близ Балаклавы. К северу от Херсонеса погребения в каменных ящиках известны в нескольких местах в долине реки Бельбек, в долине реки Качи, в окрестностях Бахчисарая¹. Граница между областями тавров и скифов проходила где-то севернее Бахчисарая; долина Альмы, во всяком случае в эллинистическую эпоху, занята была скифскими поселениями.

Каменные ящики обычно расположены группами, причем самые погребения в отдельных ящиках коллективные; при новых захоронениях кости истлевших покойников отодвигались в сторону или же новые покойники клались поверх истлевших. Такой коллективный способ погребения свидетельствовал о сохранении еще родовых форм быта. Инвентарь погребений по преимуществу бронзовый (единичные железные изделия, очевидно, попали со стороны); грубая керамика выполнена от руки; частично попадаются отдельные каменные орудия, например, серпы². Земледелие и скотоводство, по видимому, были известны таврам (в ялтинском святилище найдены кости различных домашних животных, среди инвентаря каменных ящиков встречаются мотыги, серпы, жернова и зернотерки), однако в каменистой безводной местности горных склонов они не могли получить развития. Суровая природа и низкий уровень материальной жизни предопределили развитие у тавров разбойничества и пиратства. Слава пиратов сохранилась за таврами, начиная с мифических времен и до позднеримского времени. О пиратстве тавров имеются свидетельства Саллюстия, Страбона, Овидия, Тацита, Аммиана Марцеллина, причем во всех этих свидетельствах нет оснований видеть простой пересказ мифов или сообщения Геродота, поскольку каждое из них вносит какие-либо новые черты в характеристику тавров³.

Помимо групповых погребений, от древних тавров сохранились также следы их поселений и укрепленных убежищ, обнесенных грубо сложенными циклопическими стенами. Такие укрепления сооружались прежде всего на высоких мысах, служивших одновременно и наблюдательными пунктами и убежищами для пиратов. Такие пиратские убежища известны на горе Капель близ Алушты, на мысах Аю-даг и Ай-Тодор, на горе Кошка (близ Симеиза), над Балаклавой; в последнее время открыто хорошо сохранившееся укрепленное поселение тавров на горе Базман (над Алуштой).

Период, охватываемый культурой погребений в каменных ящиках, в настоящее время, в результате более тщательно и последовательно проведенных обследований последних лет, может быть установлен более определенно⁴. Работы Тавро-скифской экспедиции дали возможность

¹ Последнюю, наиболее полную сводку находок погребений в каменных ящиках см. на карте-схеме могильников юго-западного Крыма, составленной и подготовленной к печати Н. И. Репниковым и приложенной к статье Г. И. Мосбергера. К изучению могильников римского времени юго-западного Крыма, СА, VIII (1946), стр. 114—115.

² См. Н. И. Репников, Каменные ящики Байдарской долины, ИАК, 30 (1909), стр. 127—155; он же. Предполагаемые древности тавров, стр. 138—139; С. А. Семенов-Зусер, УЗХГПИ, V (1940), стр. 147—161; он же, ГАИМК. 1931. № 7, стр. 23—26; ср. В. Дьяков, ук. соч., стр. 80.

³ В. Дьяков, ук. соч., стр. 79.

⁴ Раньше время культуры каменных ящиков определялось различно. Н. И. Репников относил их еще ко времени до начала греческой колонизации единственно на том основании, что в них не найдено было никаких греческих вещей (ИТУАК, 44 (1910), стр. 22); В. В. Данилевич («Заметка о древностях в окрестностях деревни Кикинеиз», ИТУАК, 40 (1907), стр. 57) определял их временем начала железной культуры, именно VI и V вв.; напротив, А. А. Спицын («Археологические разведки», Пб., 1908, стр. 30) относил каменные ящики ко времени около начала нашей эры, а Н. П. Коидяков («Русские древности», III, стр. 104) — даже к первым векам нашей эры.

установить непосредственную преемственность культуры каменных ящиков по отношению к кизил-кобинской (киммерийской?) культуре и более точно определить время ее существования — приблизительно от VII в., когда киммерийцы были оттеснены в южную область Таврики, и до начала эллинистической эпохи (IV — начало III в. до н. э.), когда погребения в каменных ящиках сменились другими формами захоронений.

Выше отмечалось изолированное положение горной Таврики. Следствием этого было почти полное отсутствие каких-либо связей и сношений с внешним миром (помимо морского пиратства) вплоть до момента появления и утверждения римских гарнизонов. Упомянутый выше спуск с Яйлы («Шайтан Мердвен»), возникновение которого, по предположению Н. И. Репникова¹, восходит еще ко времени тавров, выводил к морскому берегу в районе Лимена. Вряд ли есть основание предполагать, что этот путь, как думает Н. И. Репников, уже в VI—V вв. до н. э. служил путем для торговых сношений с греками. Правильнее, думается, видеть в нем путь спускавшихся к морю таврских пиратов. Отдельные случайные находки греческих вещей (например, остатки керамики VI—V вв., найденные в Форосе во время земляных работ, или греческие вещи до-римского времени — IV—I вв. до н. э., обнаруженные при раскопках Харакса) появились, надо думать, не в результате правильного торгового обмена, но пиратских набегов на греческие суда. Более долгие и доступные подъемы вели на Яйлу от таврских укрепленных пунктов на Ай-Тодоре² и на горе Кошке (близ Симеиза)³.

Пути из горной области тавров выводили, таким образом, к морю, что и было естественно ввиду того значения, которое имело в их жизни морской пиратство. Напротив, пути в сторону Херсонеса, как уже отмечалось выше, отсутствовали. Но не только отсутствие путей сообщения препятствовало развитию сношений херсонесцев с таврами. Прimitивным условиям материального существования тавров соответствовал и низкий уровень общественного развития. Родовая знать, которая была бы заинтересована в сношениях с греками и в получении художественных изделий греческих ремесленников, не успела еще сложиться. С другой стороны, и сами жители Херсонеса не были заинтересованы в обмене с населением бедной естественными продуктами Таврики.

Об отсутствии сношений тавров не только с херсонесцами, но и с греками вообще свидетельствует и то обстоятельство, что в погребениях и каменных ящиках не найдено было почти никаких греческих вещей. Даже с ближайшими, непосредственно соседившими с Херсонесом поселениями отношения налаживались крайне медленно. В Балаклаве греческий материал эллинистической эпохи отсутствует⁴. В обследованном в последние годы таврском поселении в Инкермане, возникновение которого восходит еще ко времени кизил-кобинской культуры, предметы эллинистической эпохи немногочисленны; греческий и римский импорт возрастает лишь с римского времени. В могильниках, раскопанных в ближайших окрестностях Севастополя (на северной стороне Севастопольской бухты, близ Братского кладбища)⁵, так же как и в могильниках в долине р. Бельбека (в нижнем течении — в могильнике, вскрытом Н. М. Печенкиным; в среднем течении — по данным рас-

¹ «Предполагаемые древности тавров»..., стр. 109—110.

² Ср. А. Л. Бертье-Делагард, Случайная находка древностей близ Яйлы, ЗОО, XXVII (1907), стр. 23—24.

³ А. М. Васнецов, Давнее симеизское кладбище. Древности, ТМАО, XXIV, стр. 124 сл.

⁴ Н. И. Репников и П. Бабенчиков, ук. соч., стр. 2.

⁵ Н. М. Печенкин, Раскопки в окрестностях Севастополя, ИТУАК, 38 (1939), стр. 29—38.

копок 1937—1938 гг.), найдены греческие и римские вещи, относящиеся ко времени не ранее II—III вв. н. э.¹

Из всего сказанного можно заключить, что за все время самостоятельного существования Херсонеса вплоть до появления здесь римлян между херсонесцами и таврами регулярных сношений не было. Если херсонесцам и приходилось иногда сталкиваться с горными таврами, отношения между ними носили прежде всего враждебный характер. Тавры спускались с гор в сторону Херсонеса лишь для того, чтобы производить на Гераклеийский полуостров грабительские набеги. Об одном из таких набегов и сообщает, очевидно, относящаяся к III в. до н. э. надпись в благодарность Деве, спасшей херсонесцев «от величайших опасностей», в частности от неожиданного набега соседних варваров во время загородной процессии с несением статуи Диониса (ἕφοδο δεινὰ ποιησαμένων παραλόγως τῶν παρικοῦντων βαρβάρων) (IOSPE, I², № 343). Под соседними («близживущими») варварами в данном случае можно разуметь только тавров.

Очень возможно, что именно в связи с угрозой этих набегов со стороны тавров Гераклеийский полуостров уже в IV в. был покрыт рядом укрепленных башен, соорудившихся, по видимому, согласно определенному плану. Следы этих сооружений были настолько очевидны еще в конце XVIII в., что обратили на себя внимание посетивших Гераклеийский полуостров путешественников: Палласа² и Дюбуа де-Монпьере, называвшего эти сооружения «донжонами»³. Частичное обследование сооружений типа башен на Гераклеийском полуострове, произведенное Н. М. Печенкиным в 1910 и 1911 гг. в районе Казачьей бухты и херсонесского маяка⁴ и И. Н. Бороздиным и А. С. Башкировым в районе Александриады⁵, подтвердили оборонительное назначение этих строений.

В 1928—1929 гг. предприняты были в более широких размерах упоминавшееся уже выше обследование и частичные раскопки на Гераклеийском полуострове под руководством К. Э. Гриневича и при участии Н. И. Репникова, Г. Д. Белова и др. Это более специальное обследование, подтвердив предпологавшееся военное значение «башен», в то же время дало возможность проникнуть в начальную историю их возникновения. Обследование показало «поразительное сходство всех башен как по технике кладки, величине камней, так и по плану», на основании чего можно полагать, что построение их не было продуктом личной инициативы, но что они представляли как бы систему сооружений, созданных государством по единому плану⁶.

Раскопки вскрыли также еще один интересный факт, свидетельствующий о набегах и нападениях со стороны туземного населения. Раскопан-

¹ Г. И. Мосберг, ук. соч., стр. 117 сл.

² «Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг.», ЗОО, XII (1881), стр. 108—110. Паллас (стр. 113) и вслед за ним Кларк (Clarke, Travels in various countries of Europe, 1817, стр. 123), И. М. Муравьев-Апостол («Путешествие по Тавриде в 1820 году, Пб., 1823, стр. 61 сл.) и др. предполагали даже существование оборонительной стены от Балаклавы до Инкермана, однако это предположение, как необоснованное, было опровергнуто А. Л. Бертье-Делагардом («Остатки древних сооружений в окрестностях Севастополя и пещерные города Крыма» ЗОО, XIV (1887), стр. 263—279).

³ «Voyage autour du Caucase», VI, 1843, стр. 184 сл.

⁴ Н. М. Печенкин, Археологические разведки..., ИАК, 42 (1911), стр. 108 сл.; Н. И. Репников и П. Бабенчиков, ук. соч., стр. 242—251.

⁵ И. Н. Бороздин, Новейшие археологические открытия в Крыму..., М., 1928.

⁶ К. Э. Гриневич, Выставка..., стр. 15; ср. перечень и краткое описание башен Гераклеийского полуострова в названной рукописи Н. И. Репникова и П. Бабенчикова.

ный в 1928—1929 гг. комплекс строений, возникший еще в конце V в., уже на рубеже V и IV вв. подвергался нападению, был разрушен и погиб от огня (следы пожара видны на всей территории комплекса)¹. Спустя значительный период времени (75—100 лет) весь комплекс строения возрождается вновь, но уже под защитой более надежных стен. «Стены Героона² утолщаются — он заключается как бы в панцырь и превращается в пирамидальную боеспособную башню, соединенную стенами с кладовыми»³. Аналогичную эволюцию переживает в то же время и другая такая же башня (№ II): «И эта башня имеет ту же особенность: внутри мы видим превосходную кладку древнегреческого периода, лицом повернутую наружу; за нею кладка из среднего бута толщиной 1 м и затем наружная кладка пирамидообразной формы. Получается впечатление кладки двух эпох»⁴. О нападении извне свидетельствуют и следы заложеного пролома на одной из башен⁵. Судя по тому, что факты нападений относятся еще, быть может, к началу IV в., когда скифы не могли еще появляться на Гераклеюском полуострове, а также и по тому, что подобные башни не могли служить надежной защитой против более серьезных и грозных нападений скифов, надо полагать, что нападавшими были именно тавры.

Угроза нападений со стороны тавров продолжала существовать, по видимому, и впоследствии. Когда Диофант пришел в конце II в. на помощь Херсонесу в его борьбе со скифами, он в то же время, по сообщению посвященной ему надписи (IOSPE, I², № 352, стк. 9—10), подчинил «близлежащих тавров», очевидно, продолжавших беспокоить херсонесцев, и «основал город» на отвоеванной от них земле. Далее, Страбон (VII, 4, 2) сообщает, что еще в его время Гавань Символов (Балаклава) служила притоном таврских пиратов, нападавших на суда, искавшие укрытия в бухте. И в I в. н. э. тавры фигурируют в качестве союзников при нападении на Херсонес какого-то, по видимому, скифского царя (IOSPE, I², № 369). К тому же времени относится надгробие двух вольноотпущенников, один из которых был врачом, «убитых таврами»⁶.

Так же, как в свое время Диофант, и римляне, утвердившись в Херсонесе, направляют свои удары против тавров. Однако они проникают в область тавров глубже и утверждаются там более прочно и надолго. По видимому, уже при Нероне, в первые же годы после утверждения римлян в Херсонесе, небольшой римский гарнизон и отряд флота появляются в центре Таврики, на Ай-Тодоре, и занимают его, вероятно, не без сопротивления со стороны тавров, о чем свидетельствуют следы заделанного

¹ См. К. Э. Гриневич, Выставка..., стр. 14; ср. «Крым», № 2 (8), стр. 46.

² Так определяет К. Э. Гриневич значение основной постройки первоначального комплекса. Определение это внушает, однако, большие сомнения.

³ Выставка..., стр. 14; «Крым», № 2(8), стр. 57.

⁴ К. Э. Гриневич, Выставка..., стр. 22, ср. П. Бабенчиков, под № 1.

⁵ Выставка..., стр. 10.

⁶ IOSPE, I², № 562. М. И. Ростовцев в заметке, посвященной этой надписи ИЖК. 27 (1908), стр. 56—57), связывает убийство вольноотпущенников таврами с походом Плавтия Сильвана против скифов, предполагая, что убитые погибли во время этого похода и что под таврами данной надписи следует разуметь скифов эпитафии Плавтия Сильвана: «весьма вероятным кажется, что под скифами разумеются тавры этой надписи». Версию Ростовцева принимает и Г. Д. Белов («Херсонес Таврический», стр. 132). Однако предположение это представляется сомнительным и, по крайней мере, недоказуемым. Мало вероятно, чтобы в надписи скифы были названы таврами. Римляне, не говоря уже об авторах, и в эпиграфических памятниках определенно различали тавров от скифов (ср. СІL, VIII, 619). С другой стороны, если бы вольноотпущенники, действительно, погибли во время похода, это обстоятельство, конечно, было бы отмечено и в самой надписи, как в аналогичных случаях в других надписях.

пролома в циклопической стене тавров¹. На Ай-Тодоре был оставлен римский гарнизон и приступлено к сооружению, позади наружной таврской циклопической стены, внутренней, более короткой, стены и различных строений военного и бытового назначения — военных складов, терм и пр.² Были ли помещены гарнизоны и сторожевые посты римлян в других местах, как предполагал Ростовцев³, мы не знаем; во всяком случае, гарнизону на Ай-Тодоре принадлежало центральное место в оккупации Таврики.

Первоначальная оккупация продолжалась недолго. Осложнения на Дунае в правление Домициана заставили, повидимому, Рим отказаться от занятия Крыма и вывести свои гарнизоны как из Херсонеса, так и из Харакса (Ай-Тодора). Римские гарнизоны вновь появляются здесь только при Антонине в середине II в., причем на этот раз пребывание римлян на Ай-Тодоре продолжалось около ста лет (В. Д. Блаватский, ук. соч., стр. 336). В результате глубокого проникновения в Таврику и относительного замирания тавров открылась возможность более регулярного и не столь враждебного соприкосновения с ними и вместе с этим некоторой, хотя и очень поверхностной, их романизации.

С удалением римлян в половине III в. н. э. Харакс не запустел. «С этим позднейшим периодом существования Харакса», замечает В. Д. Блаватский, — связан некрополь, исследованный в 1932—1935 гг. Находки в могилах конца III — первой половины IV в. н. э. позволяют предполагать, что в них похоронены небогатые поселенцы, вероятно — потомки романизованного туземного населения» (ук. соч., стр. 335). С конца II — начала III в. н. э. отдельные тавры появляются и в самом Херсонесе, о чем свидетельствуют надгробия с изображениями таврского типа, притом именно горных тавров⁴.

Однако и теперь связи Херсонеса с горными таврами не были интенсивными. Так же как и скифы, тавры тяготели скорее в сторону более отдаленного, но богатого Боспора, с которым их связывала и политическая зависимость. Об этом свидетельствует археологический материал, обнаруженный в открытом А. Л. Бертье-Делагардом святилище близ Ялты⁵. Святилище находилось в двух верстах от берега моря выше селения Верхней Аутки; посвящено оно было женскому божеству, изображения которого представляли небольшие терракотовые фигурки со сложными руками и накинутым на голову гиматием (фигурки — либо плохой греческой работы, либо грубые местные подражания). В святилище найдено сравнительно небольшое число жертвованных богине предметов (почти исключительно бронзовых — браслетов, колец, пряжек, пуговиц, бронзовая лошадь римской работы, немного битой стеклянной посуды). Но главную массу пожертвований составляли монеты (не менее полутора тысяч). Датировка монет показывает, что время существования ялтинского святилища совпадает со временем пребывания на Ай-Тодоре рим-

¹ В. Н. Дьяков, Древности Ай-Тодора, «Сборник трудов Алуштинского музея», I, Ялта, 1930; он же, Оккупация Таврики Римом в I в. н. э., ВДИ, 1941, № 1, стр. 94 сл.

² Штемцеля на строительных кирпичах в Хараксе имеются уже от времени первой оккупации, см. М. И. Ростовцев, Римские гарнизоны на Таврическом полуострове, ЖМНП, 1900, I, стр. 154—157; В. Д. Блаватский, Раскопки Харакса в 1931, 1932 и 1935 гг., ВДИ, 1938, № 2, стр. 322 сл., 333 сл.

³ М. И. Ростовцев, Скифия и Боспор, Л., 1925, стр. 78.

⁴ А. П. Иванова, Херсонесские скульптурные надгробия, СА, VII (1941), стр. 118 сл.

⁵ А. Л. Бертье-Делагард, Случайная находка древностей близ Ялты 300, XXVII (1907). Протоколы заседаний, стр. 19—27.

ского гарнизона. В ограниченном количестве представлены здесь монеты Веспасиана, Адриана, Антонина и Коммода; наибольшее количество монет приходится на время от Пертинакса и Септимия Севера до Валериана (192—260 гг. н. э.), что вполне соответствует времени первоначальной и вторичной оккупации Ай-Тодора¹.

Для нас представляет интерес происхождение монет Ялтинского святилища. Из общего числа 1078 обследованных Бертье-Делагардом монет 58% (почти исключительно серебряных) было римских монет, около 30% (медных и платиновых) — боспорских и только 11%, и то исключительно медных, происходили из Херсонеса. Появление этих монет в таврском святилище Бертье-Делагард объясняет развитием торговых сношений (там же, стр. 23). Однако самый способ применения этой массы монет показывает, что в глазах местного населения их роль в качестве средства обмена не имела большого значения. С другой стороны, обращает на себя внимание полное отсутствие золотых изделий и каких-либо художественных произведений греческих и римских мастеров, характерных для скифских погребений. Говорить поэтому о сколько-нибудь значительном развитии торгового обмена или об античным влиянии на население горной Таврики можно лишь очень условно. Преобладание именно римских монет в ялтинском святилище вполне объясняется относительно близким местопребыванием римского гарнизона и стоянкой римских судов в Хараксе; в этом отношении не случайно, конечно, и совпадение датировок монет со временем пребывания римлян в Таврике. Возможно, что и херсонесские монеты попали в Ялту не столько непосредственно, сколько также при посредстве солдат гарнизона в Хараксе. Во всяком случае, судя по происхождению монет, более активные отношения существовали в это время между населением Таврики и Боспором, чем между Таврикой и Херсонесом, несмотря на значительно большую удаленность Боспора и на близость римского гарнизона, связанного непосредственно с Херсонесом, а не с Боспором. В то же время связь с Боспором оказалась и более устойчивой: монеты боспорских царей I в. н. э. найдены в святилище в относительно небольшом числе; число боспорских монет III в. значительно больше. При этом немало боспорских монет ялтинского святилища относится и ко второй половине III и к первой половине IV вв. (до монет Рискупорида III, т. е. до 342 г.). Таким образом, связь Боспора с Таврикой не прекратилась и после удаления римлян, в то время как херсонесские монеты встречаются лишь до второй половины III в.

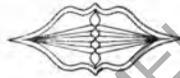
Если с таврами, обитавшими в горах Южного Крыма, херсонесцы до римского времени вряд ли, таким образом, приходили в соприкосновение, иначе должны были сложиться отношения с таврами, жившими в ближайшем соседстве на Гераклеюском полуострове², с которыми гре-

¹ Там же, стр. 21. После 260 г. встречаются лишь случайные монеты Галлиена, Клавдия Готского, Диоклетиана, Максимиана, Констанция.

² Даже Н. В. Пятыйшева, склонная к преувеличенному представлению о взаимоотношениях между херсонесцами и таврами, признает, что эти взаимоотношения ограничивались только ближе расположенными таврами (стр. 49 упомянутой рукописи «Тавры и Херсонес Таврический»). Что касается предполагаемых ею «мирных договоров» и «союза» с «дикими» таврами, благодаря чему греческим поселенцам только и удалось будто бы «удержаться и не быть раздавленными скифами», то все эти утверждения остаются всецело на ответственности их автора. С одной стороны, тавры, обитавшие на Гераклеюском полуострове, как показывает сама Н. В. Пятыйшева, будучи, следовательно, мирными рыбаками, а не воинами, не могли оказать сами ни сколько-нибудь серьезного сопротивления греческим пришельцам, ни поддержки им в предполагаемой борьбе со скифами; с другой стороны, нет оснований предполагать появление в столь ранний период на Гераклеюском полуострове скифов, не бывших соседями Херсонеса и отделенных от него областями, занятыми таврами.

ческие поселенцы должны были притти в непосредственное соприкосновение с момента своего прибытия и основания города.

Раскопки Г. Д. Белова в 1935—1936 гг. обнаружили под позднее застроенной частью города на северном берегу древнейший некрополь, входящий еще к концу V — началу IV вв.¹, причем наличие там рядом с погребениями в вытянутом на спине положении погребений, скорченных на боку, показало, что Херсонес был основан на месте уже существовавшего там ранее туземного поселения². Время существования этого смешанного некрополя определяется различно. Г. Д. Белов первоначально относил существование этого некрополя к концу V — началу IV в.³. Напротив, в последнее время Н. В. Пятышева (ук. соч., стр. 75 сл.) на основании более специального обследования некрополя приходит к заключению, что он существовал в течение значительно более продолжительного времени — с IV по II вв. до н. э. Факт длительного существования некрополя со скорченными погребениями, в свою очередь, приводит к заключению о наличии в Херсонесе части таврского населения, заселявшего северный берег и занимавшегося по преимуществу рыболовством и частично ремеслом⁴, о чем свидетельствуют встречающиеся на некоторых амфорных ручках клейма *Taurikon*, а также большое число черепков типичной таврской посуды⁵.

¹ Г. Д. Белов, Отчет о раскопках Херсонеса за 1935—1936 гг., Севастополь, 1938, стр. 163—195, рис. 3—41; ср. о н же, Некрополь Херсонеса..., стр. 158, 160. Дополнительные раскопки того же некрополя в 1937 г. обнаружили еще 10 погребений, из которых одно погребение — скорченное; см. В. Л и с и н, Обзор археологических раскопок Херсонеса в 1937 г., ВДИ, 1939, № 2, стр. 136.

² Предположение С. И. Капошиной («Скорченные погребения в Ольвии и Херсонесе», СА, VII (1941), стр. 170) что скорченные погребения этого раннего некрополя принадлежали не таврам, а скифам, на том только основании, что скорченные погребения этого некрополя не имели типичного для таврских погребений инвентаря, не может быть принято, поскольку Херсонес основан был в области, занятой таврами. Что касается инвентаря погребений, то отличие его от инвентаря обычных таврских погребений легко может быть объяснено как различием условий жизни прибрежных, занимавшихся рыболовством, тавров, с условиями жизни горных тавров, так и совместной жизнью с греками. О том, что это последнее обстоятельство уже успело оказать некоторое влияние на быт местного населения, свидетельствует факт наличия греческих вещей при скорченных погребениях.

³ См. Г. Д. Белов Отчет..., стр. 163 сл.; ср. о н же, Некрополь Херсонеса..., стр. 160. Именно такая ранняя датировка этого некрополя и побудила меня высказать предположение о вытеснении первоначального таврского поселения греческим городом, см. «Херсонесские этюды», ВДИ, 1938, № 2/3, стр. 264.

⁴ Н. В. Пятышева, ук. соч., стр. 100 сл. Мало вероятно, однако, чтобы тавры выполняли должности городских чиновников, как думает Пятышева, исходя из необоснованного предположения относительно таврского происхождения Панона, имя которого часто фигурирует на амфорных клеймах и на монетах (там же, стр. 106). Предположение это противоречит собственному замечанию Пятышевой об обособленности тавров и сохранении ими самобытности до очень позднего времени (стр. 178).

⁵ Продолжение следует.